

Дорогая моя мама, уже третий раз пишу тебе, но, к сожалению, от тебя нет ответа — ни письма, ни посылки. Я ничего не знаю о Юре — это рок. О себе я могу только сказать, что сейчас уже можно надеяться, что здоровье мое до конца заключения останется хорошим. Я чувствую себя сильной и крепкой, огромное желание всех вас увидеть и знать, что вы живы и счастливы. Я так много думаю обо всех друзьях, о работе, о будущем, больше всего всегда о Юре. Что делает Тамара Кл. и как ее муж? Я не хочу задавать много вопросов. Вы должны знать, что все меня интересует. Письмо или посылку я жду каждый день. Не беспокойтесь обо мне, все хорошо. Я стала совсем старой.

Комментарий к письму, автор Гжегож Ойцевич:

Третье письмо Софии Пиленко было отправлено из Равенсбрюка в декабре 1943 года, С.Б. получила его 28 января 1944 года. Начальное обращение — как всегда: «Дорогая моя мама» и как прежде — без закрывающего восклицательного знака или точки. Как будто второпях, мать Мария ставит после данного обращения запятую и пишет о том, что для неё является в данный момент самым важным: она жалуется, что пишет матери уже третий раз, но с её стороны нет, до сих пор, никакой реакции: ни письма, ни посылки. Отсутствие информации — постоянное беспокойство, её сердце особо тревожит молчание о судьбе единственного сына Юрия. «Я ничего не знаю о Юре» — крайне коротко комментирует восьмимесячную информационную тишину мать Мария и добавляет: «Это рок», указывая этой формулировкой, что она приближается к хрупкой границе человеческих и душевных сил, а может и веры в постоянную Божью опеку.

Раньше, когда неожиданно для всех умерла Гаяна, у матери Мария тоже появилась временная депрессия, она была готова «расправиться» с Господом Богом и доказать Ему через свои тексты Его бездушие. Всё кончилось намерением, но бунтарская нить в матери Марии тогда необычайно крепко напряглась.

Следующий пассаж в декабрьском письме, отделяемый запятыми, а не точками, следует, по-моему, прочитать в поэтике отрицания и не верить матери Марии, которая уверяет, что теперь уже можно надеяться на то, что её здоровье до конца пребывания в лагере останется хорошим. «Я чувствую себя сильной и крепкой» — пишет она, хотя следовало бы написать «Я становлюсь всё слабее и теряю зрение». Монахиня страстно хочет увидеть своих близких и узнать, что все они живы и счастливы. Эти желания, как покажет дальнейший ход лагерной действительности, никогда не сбудется.

Потом мать Мария пишет о том, что она очень много думает о всех друзьях, о работе на Лурмель 77, но более всего страдает о сыне Юрии. Ведь из трёх своих детей, только он остался в живых. Она не узнает до конца своих земных дней, что вскоре произойдёт трагедия: 6 февраля 1944 он умрёт от изнурения и болезни, а три дня позже, 9 февраля, скончается отец Дмитрий¹⁷. Мне кажется, что если бы мать Мария узнала о смерти сына, будучи в Равенсбрюке, то не исключено, что она умерла бы раньше от отчаяния. Этого третьего жизненного испытания она могла бы и не вынести.

Многострадальный библейский Иов был для матери Марии недостижимым образцом. Она сама неоднократно страдала в жизни, переживала посланные испытания и трагедии, и как ветхозаветный герой — поднималась! Как Иов она воспринимала себя объектом спора между Богом и Сатаной. И как Иов, несмотря на прожитые несчастья и терзающие его сомнения, она осталась верной Тому, кто её к себе призвал. Бог, правда, не наградил мать Марию ни восстановлением здоровья, ни умножением имущества и потомства, но Он дал ей бессмертие. В этом смысле она целиком равна Иову.

«Что делает Тамара Кл. и как ее муж?» — спрашивает мать Мария Софию Пиленко, указывая таким образом, что она не располагает информацией о судьбе Тамары Клепининой и её мужа, отца Дмитрия Клепинина. «Я не хочу задавать много вопросов» — продолжает узница № 19263, но видимо её слова следует прочесть как отрицание: «У меня обилие вопросов и всё меня интересует, но не видно никакой надежды». Поэтому так понятны последние строки в декабрьском письме, из которых вытекает, что каждый день слабеющими глазами мать Мария внимательно высматривает письма и посылки из дома. «Не беспокойтесь обо мне, все хорошо» — эти слова звучат теперь менее убедительно, чем в первом письме, и оканчивается драматическим: «Я стала совсем старой». Это слова 53-летней женщины, которая раньше неоднократно всех уверяла, что она в хорошем настроении и здравии?

В третьем письме отсутствует фраза «Я целую всех». В этой корреспонденции слышится мёртвый крик одиночества, крик монахини, оставленной на растерзание изнуряющих болезней и обстоятельств. Пройдёт четыре длинных месяца и мать Мария напишет последнее лагерное письмо Софии Борисовне. Это будет прощальное письмо, но об этом обе женщины пока ещё не знают.